

ПОЭТ О ПОЭТЕ

Наталья УСАНОВА

ТОЛКАЕТ МАЛЕНЬКИЙ СИЗИФ ПО ГОРЛУ КАМЕННОЕ СЛОВО

*Комаров К. Невеселая личность: Книга стихов /
К. Комаров — Екатеринбург; Москва: Кабинетный
ученый, 2016. — 106 с.*

Лирические стихотворения о доле поэта...

«Знаю я эту историю, — скажет искушенный читатель, — Сначала поэт изводит тысячи тонн словесной руды единого слова ради, потом обнаруживает, что мысль изреченная есть ложь, наконец, с горя напивается до состояния, в котором впору обнимать березки».

Константин Комаров — не только стихотворец, но еще филолог и вдумчивый литературный критик. Наследие классиков для него — святая святых. Он понимает: тема творческих страданий давно разработана, но все же упрямо обращается к ней. Более того, Константин берет подчеркнута традиционную форму — катрены АВАВ, гладкие рифмы.

При беглом прочтении кажется, что индивидуальность его текстов сводится к оригинальной декоративной отделке — щедро рассыпанным метафорам да пестрой лексике.

Однако вряд ли стоит листать «Невеселую личность» с той скоростью, с которой просматривают новости в Интернете. Если уделить книге должное внимание, содержание раскроется и засияет неожиданной новизной.

Наталья Валериевна Усанова родилась в 1987 году. До 2013 года жила в Вологде, сейчас живет в Калининградской области. Поэт, автор литературно-критических статей и эссе, член Союза российских писателей. Работы по критике публиковались в альманахе «Илья», вологодских журналах «Пятницкий бульвар» и «Автограф».

От первого лица

Стихотворения в сборнике Константина по большей части написаны либо от первого лица, либо как обращения к самому себе.

Лирического героя и автора предлагается уравнивать.

Константин Комаров неспроста вывел на обложку свою фотографию — обыденную, житейскую. Парень сидит на скамеечке в пустом парке и о чем-то сосредоточенно размышляет.

Автор даже считает уместным упомянуть в тексте собственное имя:

вот кома для тебя, вот ров,
чтоб не кидался словесами,
а вот твой дьявол, Комаров,
в зеркальной глади зависает.

Константин обозначает позицию: я не играю, я всерьез. Сопереживать можно.

Перед читателем раскрывает душу человек, который осознает себя в настоящем времени. Об этом сообщают многочисленные семантические маркеры. Собеседник читателя — представитель мира, где «постами чавкают соцсети», а «сорри» звучит столь же привычно, как «извини».

Четко определено, что призвание лирического героя-автора — работа со словом: «ненаписанные, виснут слова на мне».

Поэзия для него — средство от смерти и оправдание жизни:

Наплевать, что слова наплывают
друг на друга в усталом мозгу.
Обо мне ничего не узнают,
Если я рассказать не смогу.

Но не в этом ирония злая
задыхания строк на бегу:
о тебе ничего не узнают,
если я рассказать не смогу.

Снова рифмы морскими узлами
я в бессонные строфы вяжу.
Ни о чем — ничего — не узнают,
если я — обо всем — не скажу.

«Шизнь» и творчество

Константин часто и охотно подчеркивает свое восхищение литературой прошлого — делает отсылки к текстам из школьной программы («Послушайте!» Владимира Маяковского, «Не позволяй душе лениться!» Николая Заболоцкого).

Он упоминает имена Блока, Тютчева и Боратынского, ищет образы в греческой мифологии, которая питала поэзию Золотого и Серебряного века.

Пытаясь принять эстафету, поэт полностью вживается в язык. Языковые единицы становятся для него более материальными, чем реальность.

Автор постоянно придает филологическим сущностям телесные черты — он отыскивает «буквенную перхоть» на голове «немытого стиха» и родимые пятнышки на метафорах, у него «реплики воняют кровью и монолог висит соплей», «небритые страницы» стремятся «самоустраниться»....

Слово необязательно приобретает людские черты. Оно лишь делается весомым, грубым, зримым: «толкает маленький Сизиф по горлу *каменное слово*», «слова твердеют, чтоб выстелить тебе *асфальт*».

Реальность же, которая должна быть материальной, видится лирику в лучшем случае абстракцией («засыпаны незримыми песками хорошенькие улочки Москвы», «и за толпой мне чудится пустыня», «и на пустынный мир распахнуто окно»), в худшем — адом («за окнами царит агония и снег лежит почти покойником»). Жизнь за пределами сферы духа «гиблая», суматошная и бессмысленная. «Шизнь», как говорится в одном из стихотворений.

Выбирая между двумя реальностями, поэт невольно тянется к яви слов. Самого себя он свободно отождествляет или сравнивает с понятиями из учебника русского языка:

Устать без кавычек, без точек,
глаза, словно скобки, закрыть...

Если автор рассматривает себя как физически бытующего человека, его одолевает брезгливость: «тело величаво садится пьяное в такси», «залегаю спать, икая», «а я шагаю и боюсь».

Тоска по обычному чуду

Теперь — самое интересное. Поэт, который мог бы глубже и глубже уходить в язык под аплодисменты друзей-филологов, цепляется за настоящую жизнь. Он жаждет «воплотиться», написать так, «чтоб дерево сквозь слово „дерево“ обычным чудом проросло».

При всем благоговении перед языком Константин Комаров решает, что продолжение поэзии концептов — сизифов труд. Пришла пора «собирать камень».

С детской интонацией Константин объясняет самому себе:

Это — я, а это — сигарета.
Это — губы, а вот это — дым.
Это — лето...

В книге есть стихотворения, которые указывают на готовность «невеселой личности» принять действительность (композиционно они предваряют финал сборника).

Таковы, в частности, тексты о любви. В них органично возникает образ человека во плоти — «родной, теплой» девушки.

У нее настоящие, а не метафорические волосы, плечи, губы. Пространство вокруг девушки имеет мало общего с пустыней — благодаря ей поэт перестает смотреть сквозь траву и трамваи.

В одном из стихотворений автор делает прорыв без опоры на живительную любовную тему. Смотрите, как ловко он совмещает спорящие реальности — словесную и предметную:

Три звездочки на небе в ряд,
как будто над стихом.
Под ними неохота врать
и думать о плохом.

Под ними правильной молчать,
и бережно дышать,
и ночи вечную печать,
как пульс, в себе держать.

И молча говорить прости
кому-то никому,
и тихо над собой рати
в божественную тьму.

Вожденная материальность слова сохраняется, но речь уже идет о библейском Слове, которое было в начале всего. Мир — целостное великое стихотворение.

Готового рецепта актуальной поэзии в книге Константина Комарова нет, но — не беда. В самом факте честного художественного обращения к большой теме больше новаторства, чем в десятках попыток молодых авторов вывести пост-постмодернизм посредством формальных экспериментов.

Наступило время собирать разбросанные камни и вспоминать, что новое — хорошо забытое старое, хотя бы отчасти.

Увы, обитатель филологических закоулков обрекает себя на творчество для тесного круга интеллектуалов. Читатель, далекий от лингвистики, ждет не игры, а задушевного разговора с поэтом на понятные темы. Уже сформировалась прослойка вполне культурных людей, сознательно игнорирующих современную поэзию. Они боятся незнакомых имен, зато охотно покупают томики классиков: Есенина, Цветаевой, Пастернака. Разрыв между читателями и поэтами растет, и глупо винить в нем одну только публику — дескать, ленива, нелюбопытна...

Прямое лирическое высказывание дается Константину легко. Его любимая тема узкоспециальна, но ведь он пишет не только о муке слова. Константин Комаров показывает переживания поэта через лупу чувств, понятных каждому — через одиночество, нежность, страх, отчаянную веселость. Есть у него и бытийные тексты — пока, правда, не слишком убедительные из-за чересчур своего отношения к Богу...

Все сказанное позволяет подытожить: глядя на портретную фотообложку «Невселой личности», мы видим лицо своеговременного, нужного автора.

Константин Комаров родился в 1988 году в Свердловске. Живет и работает в Екатеринбурге. Поэт, литературовед, критик. Автор нескольких книг стихов. Стихи и критические статьи публиковались в журналах «Нева», «Звезда», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Вопросы литературы» и др.